

Выходить зимой — это самое хлопотное дело, потому что зимняя одежда занимает слишком много места, и приходится брать дополнительные сумки. Шкаф уже был очищен, и Цзи Шаотин повесил часто носимый Ли Чэнем плащ, по привычке слегка похлопав по нему, чтобы стряхнуть несуществующую пыль.

Как бы он ни не любил Ли Чэня, он должен был признать, что его вкус в одежде действительно на высоте. Ли Чэнь знал, что у него широкая кость, и длинный плащ лучше всего подчёркивал его фигуру. Поэтому, хотя его лицо не было особенно привлекательным, он всегда умел создать вокруг себя общее впечатление, которое завораживало.

Цзи Шаотин невольно вспомнил вчерашний дождь.

Ли Чэнь тоже был в длинном плаще, расстегнул пуговицы и втянул его в объятия, разделяя тепло одного плаща.

Цзи Шаотин очнулся и энергично покачал головой, пытаясь выбросить из головы вчерашние события, но его взгляд вдруг наткнулся на ежегодник на книжной полке.

Это был ежегодник неправительственной организации, в которой он работал, и в тот момент в его сердце нахлынули бесчисленные эмоции. Он взял его и начал листать, и уже на второй странице увидел себя.

Не лицом, только спиной, стоящей перед железной решёткой подвала.

Цзи Шаотин прекрасно помнил этот случай: пара родителей не заботилась о своей дочери и держала её в подвале тринадцать лет. Он до сих пор не мог забыть взгляд этой девочки, когда впервые увидел её — пустой, словно два отверстия.

Он закрыл ежегодник, не решаясь смотреть дальше, зная, что это только усилит его чувство беспомощности.

Когда Ли Чэнь вышел из душа, мать Цзи Шаотина как раз приготовила суп из таро и красной фасоли. Цзи Шаотин любил сладкое, потому что его мать умела готовить сладости, но он забыл предупредить её, что Ли Чэнь очень разборчив в еде и считает сладкое слишком приторным, если оно превышает его порог.

Он взял десерт у двери. Его мать была невысокой и полноватой, около полутора метров ростом, а Цзи Шаотин был выше её на целую голову. Он наклонился к ней со сладкой улыбкой, в которой было что-то от детского каприза:

— Почему суп из красной фасоли? Я хочу хлеб с красной фасолью. Как долго я не был дома, почему ты не приготовила мне хлеб с красной фасолью?

Мать тоже улыбнулась:

— Этот ребёнок, чего ты торопишься? Я хотела, чтобы ты приехал домой, а хлеб нужно есть свежим.

Ли Чэнь, стоявший рядом и вытиравший волосы, подумал, что эта поездка действительно стоила того, ведь только здесь он мог увидеть такого живого и милого Цзи Шаотина.

Затем он невольно почувствовал недовольство: Цзи Шаотин никогда так не капризничал с ним.

Он утешил себя тем, что это из-за роли: кто угодно становится ребёнком рядом с матерью.

— Пусть мистер Ли ест, пока горячо, — мать Цзи Шаотина сияла, смеясь до морщин.

Цзи Шаотин, чувствуя себя неловко из-за этой чрезмерной радости, обнял её сзади и ответил:

— Да-да, идите скорее готовьте хлеб с красной фасолью, следите за моим братом, чтобы он не украл его.

— Чего следить? Твой брат ушёл по делам, всё твоё.

— Тогда просто замечательно, — Цзи Шаотин подгонял её ещё больше. — Я хочу есть, я хочу есть, скорее, спасите ребёнка.

Проводив мать, Цзи Шаотин, стоя перед улыбающимся Ли Чэнем, не знал, что сказать, только неловко объяснил, что его мать очень гостеприимна.

— Это хорошо, — Ли Чэнь выглядел спокойным. — Похоже, я нравлюсь своей теще.

И не то слово, Цзи Шаотин знал свою мать как свои пять пальцев. Она очень хотела, чтобы младший сын нашёл мужчину, который бы заботился о нём, любил его и всегда был рядом, и Ли Чэнь в её глазах был идеальным кандидатом.

Поэтому, когда вечером он, воспользовавшись тем, что Ли Чэнь занимался работой, пробрался в комнату брата, первое, что он сказал, было:

— Объясни ей, что это невозможно.

Цзи Линьчжан повернулся от рабочего стола, потратив две секунды на то, чтобы понять, о ком идёт речь:

— Ты о маме?

— Конечно о ней, она так надеется, что мы с мистером Ли сыграем в настоящую любовь, — Цзи Шаотин опёрся на дверь, его лицо было полным усталости. — Поговори с ней, объясни, что это невозможно. Я уже говорил тебе, мистер Ли — это не тот тип, с которым я хотел бы даже дружить.

Если бы Цзи Шаотин знал, что Ли Чэнь всё это время стоял за дверью, он бы никогда не сказал этого.

Нежелание причинить боль Ли Чэню было одной из причин, нежелание быть раненым — другой. Тогда он не подозревал о том, что произойдёт, и не знал, что эти слова станут спусковым крючком для острого конфликта, началом настоящего столкновения.

Если бы время вернулось на три минуты назад, Цзи Шаотин с улыбкой сказал бы, что не будет мешать Ли Чэню работать, а сам пошёл бы вниз перекусить.

Ли Чэнь, сидя за письменным столом, взял его за руку и спросил:

— Сколько сладкого ты съел с обеда? Почему, как только вернулся домой, стал таким сладкоежкой?

— Моя мама отлично готовит! — это была правда. — Ты не любишь сладкое, поэтому не

понимаешь.

Цзи Шаотин, вернувшись в родной дом, стал гораздо живее, и Ли Чэню это нравилось до безумия. Он не удержался и поцеловал руку Цзи Шаотина, сказав ему идти:

— Съешь и сразу иди чистить зубы, больше не ешь, сегодня ты уже съел слишком много сахара.

Эти сладкие слова разделили сердце Цзи Шаотина пополам: одна половина была опьянена любовью, а другая испытывала невыразимое отвращение. Цзи Шаотин изо всех сил старался сдержать неприятные ощущения, поспешно согласился и быстро вышел из комнаты.

Ли Чэнь не придавал этому значения, решив, что он просто торопится поесть.

Когда дверь закрылась, он вдруг вспомнил, что Цзи Шаотин был одет только в тонкую рубашку. С любовью подумав, что этот человек так хочет есть, что забыл о холоде, он взял плащ и вышел в коридор.

Но он увидел, что Цзи Шаотин пошёл не к лестнице, а в другую сторону.

Ли Чэнь почувствовал неладное, и, когда Цзи Шаотин исчез за дверью, он вспомнил, что это была комната его брата.

Надо признать, что Ли Чэнь был слишком подозрительным, но он действительно испытывал враждебность к Цзи Линьчжану, враждебность соперника.

Возможно, это было из-за недоразумения при первой встрече, или из-за того разговора в машине. Цзи Линьчжан сказал, что с детства заботился о Цзи Шаотине, и в его словах сквозило глубокое понимание брата, что вызывало у Ли Чэня зависть.

Его симпатия к Цзи Линьчжану была невысокой, поэтому, увидев такое, его первой реакцией была настороженность.

Он тихо подошёл к двери комнаты Цзи Линьчжана, собираясь постучать и спросить Цзи Шаотина, зачем он так поздно пришёл к брату, но сначала услышал его голос:

— Она так надеется, что мы с мистером Ли сыграем в настоящую любовь. Поговори с ней, объясни, что это невозможно.

Ли Чэнь оцепенел, на щеке выступила жила.

Эти слова звучали крайне неприятно, и он вдруг побоялся вдуматься в них, каждая секунда растягивалась до бесконечности.

И когда эта бесконечность закончилась, он услышал, как Цзи Шаотин продолжает объяснять:

— Я уже говорил тебе, мистер Ли — это не тот тип, с которым я хотел бы даже дружить.

Ли Чэнь почувствовал, как уши заложило, и он замер на месте.

Разговор внутри ещё не закончился, Цзи Линьчжан сказал, что понимает, и с тем тоном, который бывает только между близкими, полным упрёков и любви, спросил Цзи Шаотина, почему он ходит в одной пижаме:

— Ты что, не боишься замёрзнуть?

Цзи Шаотин ответил:

— Я торопился выйти. С ним мне действительно некомфортно.

Ли Чэнь вспомнил, как Цзи Шаотин торопился раньше, и понял, что это было не из-за желания поесть, а из-за желания сбежать.

Эта сцена перевернула всё с ног на голову, и Ли Чэнь, без сомнения, был дураком, а братья Цзи, сидящие в темноте зрительного зала, указывали на него пальцем. Ли Чэнь почувствовал, как его лицо горит от стыда.

Чтобы выбраться из этой ситуации, было только два пути: либо открыть дверь и громко потребовать объяснений, либо тихо уйти, сделав вид, что ничего не произошло. Ли Чэнь думал, что выберет первый вариант, но на самом деле он не мог пошевелиться.

Отвращение Цзи Шаотина было самым сильным ядом, который мгновенно попал в его кровь, распространяясь по всему телу и разъедаая его изнутри.

Он услышал, как Цзи Линьчжан предложил Цзи Шаотину лечь в кровать и согреться:

— Я отвечу на письмо, потом у нас важный разговор.

Цзи Шаотин зашевелился под одеялом, с той игривостью, которую он никогда не проявлял с Ли Чэнем:

— Господин Цзи, что вы задумали? Так загадочно.

Действительно загадочно, потому что следующий разговор Ли Чэнь уже не слышал, они понизили голос, не из-за подозрений, что их подслушивают, а просто из привычки обсуждать важные дела.

На руке Ли Чэня всё ещё висел плащ Цзи Шаотина, и он стоял перед дверью, забыв, как сюда попал.

<http://bllate.org/book/16306/1470800>